

Г. В. Цулая

ГРУЗИНСКАЯ КНИЖНАЯ ЛЕГЕНДА О ЧИНГИСХАНЕ

Сохранились две исторические хроники средневековой Грузии, которые содержат сведения о завоевании монголами Кавказа. Одна из них принадлежит анонимному историку, современнику царя Георгия IV Лаша (1213—1222 гг.), очевидцу первого вторжения монголов в Грузию¹; вторая — обширное анонимное историческое повествование, известное под названием «Хронограф XIV века»². Именно в нем приведены различные сведения историко-этнографического характера о монголах и подробно описаны взаимоотношения завоевателей с поработанным населением Грузии.

По свидетельству грузинского историка (что видно также из текстологического анализа Хронографа), он пользовался источниками различного характера, как письменными, так и устными³. Некоторые подробности описания быта и истории монголов в этой хронике согласуются с данными монгольских источников. Однако автор вряд ли пользовался ими непосредственно. На этот счет он делает вполне ясное заявление: «В древних книгах где-либо не найти повести о них» (монголах. — Г. Ц.). Выясняется, что аноним вращался в близких к монголам общественных кругах, где он и мог получать необходимые ему сведения.

Среди разнообразных исторических материалов, сообщаемых анонимом, особый интерес может вызвать зафиксированное им сказание о Чингисхане. Перевод и исследование этого сказания публикуются на русском языке впервые.

Повесть о Чингиз-каене, как явился он в стране Восточной

В стране Солнечной на Востоке, которую именуют Чинмачин, явились люди некие из местности дивной, именуемой Каркорум, чуждые ликом, нравами и внешностью. Ибо в древних книгах где-либо не найти повести о них, потому как суть они чужды по языку, чужды обличем, чужды бытом; не знали вкуса хлебного, но мясом и молоком бессловесных питались. Однако были телом совершенны, плотью дородны и мощны ногами, прекрасны и белолицы, с глазами узкими и карими, удлиненными и яркими; большеглавыя, с волосами темными и частыми, плосколобые, с носами настолько низкими, что щеки возвышались над носами и видны были лишь маленькие ноздри; губы малые, зубы ровные и белые; совершенно безбородые. Такие необычные имели они лица. Но не дивитесь никто тому, что все они — и мужчины и женщины — обладали какой-то удивительной внешностью. Вместе с тем обрели они мужество и были лучниками избран-

¹ См.: «Картлис цховреба» (составитель и автор комментариев С. Г. Каухчишвили), т. I, Тбилиси, 1955, стр. 365—371 (на древнегруз. яз.); И. А. Джавахишвили, Древнегрузинская историческая литература, Тбилиси, 1945, стр. 244—245 (на груз. яз.); К. С. Кекалидзе, Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. I, Тбилиси, 1956, стр. 288—299 (на груз. яз.).

² См. «Картлис цховреба», т. II, Тбилиси, 1959, стр. 151—325.

³ Там же, стр. 182 и др.; И. А. Джавахишвили, Указ, раб., стр. 255—257.

ными, безупречно стреляющими из своих тугих луков тяжелыми стрелами, удара которых не выдерживали никакие доспехи. Особенно ловки они были на лошадях, ибо на лошадях они вырастали, не знали доспехов, кроме лука и стрел.

Так были дивны эти люди, что, глядя на них, можно было признать их безумными. Однако всякая мудрость обреталась среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, и слова лживого — не было промеж них нигде. Не было у них подобию страсти пред лицом человека: ни пред великим, ни пред малым даже на совете, ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каеном, говорить о чем подробно стало бы долгой речью⁴.

Была в законе у них вера в единого бога бессмертного: [они] обращали лицо к солнцу на восток, трижды преклоняли колена, трижды кланялись, концом среднего пальца касались ладони и прищелкивали, и более ничего.

Уигуры же были служителями идола, которого называли Куджном. Обрели они письмо с малым [количеством] букв, ибо пишут они книги⁵ имея [в алфавите] шестнадцать букв, которые просты для изучения и легко понимаемы. Они же создали в виде короникона [цикл] двенадцать лет по названию двенадцати бессловесных животных и каждого бессловесного животного поставили во главе каждого года, как некогда в древности мудрые эллины [создали] двенадцать зодиаков, что суть звезды и созвездия солнца и луны. Каждому из этих созвездий отвели они по тридцать солнечных дней (и не суть они животные, но [знаки] зодиака), также во главе каждого года отвели место по одному животному и по истечении двенадцати [лет] животных начинали заново... Достигнув двенадцатого года, вновь начинают счисление лет, которые называют так: Кулгунджил, Укурджил, Парсинджил, Тавлаинджил, Луилджил, Могилджил, Моринджил, Кокинджил, Мечинджил, Таганджил, Нохинджил, Қакаинджил.

Таковы названия двенадцати животных, каждому из которых отвели главенство над каждым годом и первым из них сделали Колгуна, которое есть Мышь, затем идут Корова⁶, Леопард, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Овца, Обезьяна, Курица, Собака и Свинья. Это имели они для счисления лет, как мы, грузины, короникон.

В обычае же было у них поклонение единому богу, которого на языке своем называли Тенгри. И начинали писать так: «Мангу Тенгри Кучундур», то есть: «Силою бессмертного бога».

Обходились они малым [количеством] пищи, ибо ели всякую тварь: плоть кошачью, собачью и всякую.

Племя их прежде, так же, как и ныне, делилось на множество родов, из которых упомяну лишь двенадцать названий: первейший род: Сакиры, [затем] Хинди, Каты, Джалир, Оирд, Сулдус, Нахимы, Конкард, Мангут, Тангуты, Каит и Угуры. Угуры же поклоняются идолу, которого называют Кунджитом. Они называют себя на языке своем мангол, грузины же — татарами, коих представляю единым миром.

Но из рода Каитов, одного из племен, выделился человек по имени Темурчи, который и есть Чингиз-каен. Был он доброликий и красивый, телом рослый, с волосами чуть рыжеватыми многосильный, храбрый, в бою отважный, искусный стрелок, глубоко-мысленный и в помыслах удачливый. Пошел он для получения даров и почестей к главнейшему их [рода] царю, именуемому ханом и которого называли Онханом. Как только узрел его [Темучина], возлюбил его за достоинства, возвел его в великую честь среди всех ему равных знатнейших вельмож. Вручил ему предводительство своим войском и всюду были сокрушены ослушники и отступники, и отовсюду возвращался он победителем к патрону своему, царю Онхану. Он же возвел его [Темучина] в великую честь.

Стали этому завидовать брат Онхана по имени Уткин, и его же сын Колак и донесли Онхану, а именно: «Замыслил захватить царство твое и называют его [уже] ханом, то есть каеном». Тогда решил [Онхан] убить его, но учуял Темурчи замысел сей, ибо

⁴ В другом месте своего произведения автор сообщает любопытную этнографическую деталь из быта древних монголов: «А для твердости клятвы трижды окунали чистое золото в воду и, проделав это, выпивали ее и, приняв доверившегося им, не преступали данную клятву» («Картлис цховреба», т. II, стр. 189—190).

⁵ Словом «книга» мы перевели грузинское «цигни», что в древнегрузинском языке означало одновременно и «книга» и «письмо».

⁶ В оригинале *зроха*, что по-древнегрузински значит и бык и корова,

сказали [об этом] ему два неких человека, которых звали: одного Колак и другого Бад, а именно: «Возжелал Онхан смерти твоей».

И он бежал, и с ним вместе двое тех людей. Пришел он в дом свой — юрту, поднял семью и шел один день и одну ночь. Затем бросив семью, вещи и имущество, подошел к берегу той самой реки, которую называют Бладжун, несколько удалил свою дружину и ушел в некое ущелье.

Но разведав Онхан о бегстве Темурчи, стрёмглав пустился за ним и нагнал семью и имущество его. Захватил пленных множество, и нагрузилось добычей войско его. Тогда нагрянул Темурчи на все войско Онхана. Произошла битва мощная и жестокая, было истреблено с обеих сторон неисчислимое [множество людей] и одолели Онхана, пустились в погоню, схватили и убили Онхана. Стрёмглав нагрянул на семью Онхана, прибрал к рукам все богатства его, жену его и детей, кроме старшего сына Онхана Колака.

И воссел на престоле Онхана и нарекли Темурчи именем Чингиз-каен.

Вслед за этим начал воевать против царя конгардов Алтухана, одолел и убил его, и овладел царством его. Затем сын Онхана Колак пришел к некоему Горхану и (вместе с ним) воевал против Чингиз-каена. Он же [Темурчи] вступил в борьбу с Горханом, одолел его, убил Горхана и подчинил войска Горхановы.

Вслед за этим двинулся он на унгуров, тех, что называли царя своего Едutom. В ту же пору эмуrom [эмиром — ?] у унгуров был некий Сарчук, дивные дела которого сказочны да и суть сказки и поганы, и потому говорить о них ныне не место. Но Чингиз-каен смилостивился над ним, держал его в уважении, прибрал множество татар и подчинил [их], подчинил он также каркитов.

И как только он устроился над татарами, явился некий дивный человек, которого именовали родом из Тебтунов. Он предстал перед каеном и сказал следующее: «Я пойду на гору ту, что называют Балик: слышу глас божий. То велит бог: отдаю Темурчи и его воинам все земли и да будет ему именем Чингиз-каен».

Но было сказано и то, что Чингиз-каен взошел на гору высокую и явился ему владыка Иисус Христос, бог всех, и он научал [Чингиса] праву, вере, невинности и истине, отречению от лжи, воровства и всякого (прочего) зла и говорил: «Защити эти заповеди, и все земли и племена я вручаю тебе. Иди и забирай все земли, какие только тебе под силу».

Став каеном, пришел он в Хатаети и вошел в церкви, узрел в них образ Спасителя Иисуса Христа и тотчас же поклонился ему и сказал: «Вот тот человек, которого видел я на горе Чинетской, был он такого же лика и научал меня всем законам моим». Возлюбил его Чингиз-каен, благославлял его и все заповеди, данные им, твердо соблюдал. Затем воевал с хатаетским ханом Арслан-ханом и одолел его. Захватил двести тысяч его людей и казнил их. Узнав об этом, Арслан-хан вошел в дом свой с женой и детьми и повелел слугам своим поджечь тот дом. Они и совершили то. И сгорел в огне том Арслан-хан с семьей своей. Вошел Чингиз-каен и воссел на престоле его и покорил Хатаети. Так это и есть по сю пору».

Легенду о Чингисхане автор Хронографа начинает с этнографического экскурса о монголах. На фоне этого повествования выведен образ монгольского хана.

Грузинский летописец хорошо знаком с бытом и нравами монголов⁷. Даже отдельные детали, которые на первый взгляд могут показаться случайными, находят точную аналогию в монгольских источниках. Так, в Хронографе сказано: «Всякая мудрость обреталась среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, и слова лживого не было промеж них нигде..., ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каеном». Все это соответствовало нормам общественного поведения, установленным «Ясаком» Чингисхана, и этическим предписаниям «Тайной истории монголов». Рашид-ад-дин сообщает специальное предписание монгольских правителей, требующее строжайшего соблюдения изданного ими закона. «Если кто-либо дерзнет,— говори-

⁷ См. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. III, Тбилиси, 1966, стр. 76—80, 335—336 и др. (на груз. яз.).

лось в законодательстве монголов,— и совершит деяние, не соответствующее законам и порядкам старым и новым, то его за это постигнет наказание и достойная вины расплата»⁸.

«„Джасак“⁹ Чингис-хана,— писал прекрасный знаток истории и быта монголов Б. Я. Владимирцов,— сыграл огромную роль в жизни созданной им империи и долгое время служил монголам основным кодексом права. Так как „Джасак“ действовал с неумолимой строгостью, то в империи Чингиса скоро установился образцовый порядок; убийства, ложь и прелюбодеяния сделались в среде самих монголов редким явлением»¹⁰. Известна монгольская поговорка, приписываемая Чингисхану: «Если много говорить станете, то много ли пользы будет от слов»¹¹. Но все это имело отношение к внутренней организации только монгольского общества. Строжайшая дисциплина способствовала планомерному разорению завоеванных стран. Народы, попавшие под иго монголов, на долгие века становились объектом грабежа, унижений и убийств. «Бедствия, которые постигли все страны,— писал один из армянских авторов XIII в. в связи с завоеванием монголами Кавказа,— превосходят все, что история может рассказать»¹². Само слово «татар» (т. е. «монгол») в армянском и грузинском языках стало синонимом опустошительного смерча. Монгольское иго, писал К. Маркс, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало душу народа, ставшего его жертвой... Татары установили режим систематического террора, разорение и массовые убийства стали обычным явлением»¹³.

Автор грузинского Хронографа, тяжело переживавший постигшую его родину катастрофу, идеализировал порядки, существовавшие именно в среде самих монголов, противопоставляя их феодальной анархии современной ему Грузии. Характерно, что при описании внутривнутриполитического состояния своей страны накануне нашествия войск Чингисхана грузинский хронист употребляет термины, прямо противоположные тем, которые он использует для характеристики «монгольского порядка». «Цари и мтавары,— читаем мы в Хронографе,— отрешились от истины, милосердия, прямоты, покоя, справедливости, а взамен обрели высокомерие, насилие, убийство, хищения, разврат, безнравственность»¹⁴.

В древнегрузинский текст приводимого нами сказания составитель и автор комментариев С. Г. Каухчишвили внес ряд конъектур. Одна из них касается описания пищи монголов. В оригинале сказано: «обходились они малым (звучит *мцирета*) [количеством] пищи». С. Г. Каухчишвили предполагает, что это слово можно прочесть по-другому, если раскрыть имеющийся в рукописи титл: *мцирета мц(ена)рета* — «растительный»¹⁵. Такая конъектура вполне оправдана с точки зрения лингвистики. Кроме того, трудно себе представить, чтобы автор, лично знавший монгольских завоевателей, мог писать, что монголы довольствовались «малым количеством пищи». Как известно, в истории монгольских племен важную роль играли так называемые «лесные племена», к которым,

⁸ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, М.—Л., 1960, стр. 20; его же, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 259 и сл.; Н. Ц. Мункуев, Заметки о древних монголах, сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 365—366.

⁹ Распространенное в старой русской монголоведческой литературе название древнемонгольского свода законов.

¹⁰ Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, Пгр.—М.—Берлин, 1922, стр. 82—83; И. М. Майский, Чингис-хан, «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 79.

¹¹ Н. П. Шастина, Образ Чингисхана в средневековой монгольской литературе. Сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 446; С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941, стр. 179, и др. (далее в тексте: Тайная история монголов).

¹² «История монголов по армянским источникам» (перевод К. П. Патканова), вып. 2, СПб., 1874, стр. 12; см. также: И. М. Майский, Указ. раб., стр. 74 и сл.; И. П. Петрушевский, Поход монгольских войск в Среднюю Азию. Сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», стр. 100—126; Н. Ц. Мункуев, Указ. раб., стр. 360 и др.

¹³ К. Магх, Secret diplomatic history of the eighteenth century, London, 1969, p. 111.

¹⁴ «Қартлис цховреба», т. II, стр. 178.

¹⁵ Там же, стр. 160, прим. 1.

кстати, принадлежал и сам Темучин¹⁶. А в быту «лесных» народов растительная пища должна была занимать заметное место. По свидетельству «Тайной истории», мать Темучина кормила своих детей кореньями, черемухой, дикими яблоками, луком и чесноком; питались монголы также древесным соком¹⁷. Еще и теперь монгольские скотоводы широко употребляют в пищу дикорастущие растения¹⁸ и вполне естественно, что и в средние века они занимали большое место в рационе монголов. «Несомненно, что кочевники монгольских степей,— пишет А. П. Окладников,— всегда собирали съедобные корни»¹⁹. Характерно, что летоисчисление у монголов до того, как они заимствовали животный цикл, по свидетельству источников, велось «по вырастанию травы»²⁰. Известно также, что земледельческие племена были активными участниками походов Чингисхана²¹. Таким образом, предположение С. Г. Каухчишвили исторически оправдано, а предложенная им конъектура дает возможность использовать данный текст как источник по этнографии древних монголов.

Несомненный интерес представляет перечисление автором 12 наиболее хорошо ему известных «монгольских» племен. Однако идентификация их связана с некоторыми трудностями. Значительная часть приведенных в Хронографе этнонимов искажена позднейшими переписчиками, которые один и тот же термин в разных местах нередко переписывали по-разному (угуры — уигуры и т. п.).

Так, неясно, какой этноним был искажен переписчиком, когда он в свою рукопись вписывал название племени *сакиры*. Можно лишь предполагать, что это были икиресы (при возможном наличии грузинского локативного префикса *са*), которых Чингисхан, по словам Рашид-ад-дина, в 1218 г. отправил на войну с Китаем²². Хинды — это, должно быть, индийцы. Но известно, что грузины, как и армяне, под термином «индийцы» (хинды) часто подразумевали различные неиндийские племена, в особенности жителей пустынь. Неясно, кто такие *каты*. *Джамир*, вероятно, означает *джалаилов*, которые в составе *икиресов* (сакиров — ?) и *кунгиратов* участвовали в походе против Китая. *Оирд* — это *ойраты* (самоназвание одного из западномонгольских племен). Впервые они упоминаются в XIII в., и, таким образом, грузинский Хронограф XIV в. содержит одно из ранних письменных свидетельств об ойратах. Конкретная этническая принадлежность племен *сулдус* и *нахим* неясна, но они, возможно, принадлежали к тюркоязычному населению и принимали активное участие в завоеваниях монголов. *Конкард*, вероятно, монгольское племя *кунгират*, совместно с *икиресами* (сакирами — ?) и *джалаирами* (джамирами — ?) посланное Чингисханом для завоевания Китая. *Мангуты* — так на Востоке называлось монгольское племя, известное на Западе как *ногайцы*. *Тангуты* — одно из тибетских племен. Они создали средневековое государство Си-Ся, которое было уничтожено Чингисханом в 1227 г. У тангутов была высоко развита культура земледелия. *Каиты* — это *киаты*, союз племен, выходцем из которого был сам Чингисхан. И наконец, *угуры* (или *уигуры*) — предки современных уйгуров, оказавшие большое культурное влияние на собственно монголов. Приводимые в Хронографе этнонимы требуют дальнейшей расшифровки, что можно сделать совместными усилиями языковедов,

¹⁶ См. В. В. Бартольд, Соч. т. I, М., 1963, стр. 459; т. V, М., 1967, стр. 256.

¹⁷ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 88—89; Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 34—40.

¹⁸ А. П. Окладников, О начале земледелия за Байкалом и в Монголии, «Древний мир. Сборник в честь акад. В. В. Струве», М., 1962, стр. 424—426.

¹⁹ Там же, стр. 425.

²⁰ В. П. Васильев, История древности восточной части средней Азии от X до XIII в., СПб., 1857, стр. 217.

²¹ См. В. В. Бартольд, Соч., т. V, стр. 469.

²² См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 179.

историков, этнографов различных специальностей. Перечисленные анонимом племена указывают на этническую пестроту и неоднородность монгольских завоевателей в самой Грузии, повлиявшие на характер грузинских заимствований из монгольского языка. Эти заимствования до сих пор совершенно не изучены.

В одном из списков Хронографа вместо слов «плоть кошачью» («хорца катисаса») вписано «плоть человечесю» («хорца кацисаса») ²³. По нашему мнению, именно последний вариант должен быть аутентичным. При переписке летописи могла произойти ошибка, вызванная схожестью начертаний грузинских букв Т и Ц.

В монгольских летописях не раз упоминается «человеческое мясо» как «пища» богатырей. Эпические стихи «Тайной истории» повествуют о том, как мать Темучина «откормила одного своего сына человеческим мясом... Глотнет целого человека вместе с колчаном — в глотке не застрянет; съест целого мужика — не утолит сердца, осердится, пустит стрелу свою... через гору — десяток — другой людей на стрелу нанижет» и т. д. ²⁴ В монгольском источнике также немало аллегорически переданных эпизодов, в которых соратники Темучина называются «псами», откормленными «человеческим мясом», а побежденных неприятелей варят в котле. Кроме того, имеются сведения и о человеческих жертвоприношениях. Описывая пиршество Чингисхана в связи с восшествием его на престол, Рашид-ад-дин специально отметил: «Выбрали сорок красивых девушек из родов и семей находившихся при нем эмиров и в дорогих одеждах, украшенных золотом и драгоценными камнями, вместе с отборными конями принесли в жертву его духу» ²⁵. В свете этих фантастических рассказов грузинский историк мог создать себе представление о существовании каннибализма у древних монголов.

Особый интерес представляет описание монгольского 12-летнего животного цикла. Это одно из наиболее ранних сведений о древнемонгольском календаре. «Сообщая о 12-летнем цикле у монголов, — отмечал Б. Я. Владимирцов, — грузинский автор приводит монгольские названия циклических животных», они «те же, что и теперь у тибетцев, монголов и маньчжур» ²⁶.

В самой монгольской литературе сведения о Чингисхане сохранились в литературных памятниках XIII в. (близких ко времени жизни и деятельности самого героя и потому отличающихся сравнительной точностью), а также в литературных памятниках XVII в. От XIV—XVI вв. до нас не дошло произведений на монгольском языке, в которых говорилось бы о Чингисхане ²⁷. Это придает особую ценность грузинскому источнику.

Грузинская легенда, идеализирующая Чингисхана, могла быть в ходу у той части грузинских феодальных кругов, которая сотрудничала с монголами. Безупречность целого ряда приводимых летописцем монголь-

²³ «Картлис цховреба», т. II, стр. 160.

²⁴ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 149.

²⁵ Рашид-ад-дин, II, стр. 19; см. также С. А. Козин, Указ. раб., стр. 112, 147.

²⁶ Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке, «Известия Академии наук», 1917, № 17, серия 6, стр. 1488. См. также: М. Н. Тихомиров, Г. Г. Стратанович, О двенадцати монгольских месяцах в старинной русской письменности, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 21—27. 12-летний животный цикл сравнительно недавно был обнаружен и у некоторых кавказских народов — абазин, черкесов, кабардинцев, которые, по мнению исследователей, заимствовали его у ногайцев (см.: Г. П. Сердюченко. Счет по животному циклу у кабардино-черкесов, абазин и ногайцев, «Уч. зап. Кабардинского научно-исследовательского ин-та», т. II, Нальчик, 1947; И. В. Захарова, Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. VIII, Алма-Ата, 1960, стр. 37; «Очерки истории Калмыцкой АССР», М., 1967, стр. 513).

²⁷ См. Н. П. Шастина, Указ. раб., стр. 435.

ских фраз и терминов, знание им уйгуро-монгольской письменности свидетельствуют о контактах грузинского автора с соответствующими его, очевидно, высокому социальному рангу представителями монгольского общества. Вместе с тем ни местные антимонгольские традиции, ни даже «Тайная история монголов», отголоски которой звучат в Хронографе, не могли дать повода для лестной характеристики личности «завоевателя мира». Не исключено, что грузинский автор отразил устные традиции монголов середины XIV в., основным мотивом которых была идеализация образа Чингисхана. Об использовании грузинским анонимом именно устных источников может свидетельствовать характер приводимых им монгольских слов и выражений²⁸.

Грузинская легенда о Чингисхане носила книжный характер и не получила распространения в народе. Более того, в грузинской народной речи слова «чингис», «чингискаен» до сих пор являются синонимами грубости.

Общеизвестно, что наиболее активными борцами против монгольского владычества в Закавказье, как и во всех завоеванных монголами странах, выступали именно народные низы. Автор Хронографа неоднократно говорит о той непримиримости, с которой относилось к монголам не только трудовое население Грузии, постоянно готовое к антимонгольским восстаниям, но и воины, вербовавшиеся завоевателями среди грузин и увлекаемые ими в свои походы²⁹.

Таким образом, не только тенденциозность, но и оригинальность грузинского сказания о Чингисхане несомненны. Многочисленные сведения о монгольском императоре имеются и в других средневековых источниках (персидских, армянских, арабских), но они не могли дать нашему автору тех материалов, какими он в данном случае пользовался. Выясняется, что единственным источником могла быть «Тайная история монголов». Но, как известно, по специальному предписанию властей, к нему имели доступ лишь избранные представители монгольской элиты. Следовательно, остается предположить, что грузинский летописец создал своеобразный текст сказания о Чингисхане, основываясь, вероятно, на устных рассказах близких ему представителей монгольского общества.

Начало политической деятельности Чингисхана грузинский аноним связывает с именем «царя» Онхана. Это иранская форма (иранская традиция в общем не была чужда нашему историку) имени Ван-хана — одного из сильных монгольских владык³⁰. Ванхан был другом отца и названным отцом Темучина. Он был первым союзником Темучина на его политическом поприще. Рассказ летописца о том, что Темучин пошел «для получения даров и почестей к главнейшему их (рода), царю их, именуемому ханом и которого звали Онханом», хорошо согласуется с историческими данными «Тайной истории монголов». Отправляясь к Ванхану для заключения с ним союза, молодой Темучин преподнес названному отцу единственную имеющуюся тогда у него драгоценность — «черного соболя доху», приданое своей жены. В «Тайной истории» говорится: «Эту доху Темучин... повез Ванхану... Приехав к Ванхану, Темучин сказал: „Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком расуждении я и женился, поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду“. С этими словами он поднес ему соболю доху»³¹. Великая честь, которая, по словам грузинского автора, при этом была оказана Онханом Темурчи, и преданная служба последнего своему названному отцу и сюзерену также совпа-

²⁸ Подробнее об этом см. Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV в..., стр. 1495 и др.

²⁹ Ср. Ю. М. Сихарулидзе, Борьба грузинского народа за независимость в XIII—XIV вв., Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

³⁰ См. Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, стр. 55.

³¹ В. А. Козин, Указ. раб., стр. 95—96.

дает с данными монгольского источника «Тайная история»: «Растроганный Ванхан дал такой ответ: „В благодарность за черную соболью доху объединю твой разъединенный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус“»³². Став верным сподвижником Ванхана, Темучин одержал ряд блестящих побед над его врагами. И, по словам грузинского историка, Темучин в качестве полководца Онхана одержал ряд побед над многочисленными народами, в результате чего были окончательно сокрушены все ослушники и отступники. Надо полагать, что в сообщаемом хронистом факте вручения Темурчи власти над армией звучат отголоски возведения его при покровительстве Ванхана в ханы³³.

Затем наступает разрыв между Темурчи и Онханом. Ход дальнейших событий по Хронографу также совпадает с сюжетной линией «Тайной истории». Точно передана позиция сына Онхана. По «Тайной истории», сын Ванхана Сангум именно из зависти к Темурчи стал настраивать против него своего отца. Когда Темурчи попросил у Ванхана руку его дочери, а Сангуму предложил в жены свою дочь, то Сангум отверг эти предложения из опасения потерять первенство в собственном роду³⁴. Эту позицию Сангума подтверждает и грузинский аноним.

Далее грузинский историк словно пересказывает «Тайную историю». Заговор против Чингисхана³⁵ был раскрыт двумя табуниками Ванхана — Кишлихом и Бадаем (у нашего историка — Колак и Бад). Короткая фраза анонима — «Возжелал Онхан смерти твоей» в «Тайной истории» передается подробно: «С позволения Чингисхана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и схватить»³⁶. Данное вслед за этим в Хронографе описание военных действий, отступления Чингисхана и т. д., также соответствует историческим свидетельствам «Тайной истории». Не обошлось, конечно, и без некоторых перемещений персонажей. Однако эти изменения вполне могли быть отражением своеобразного развития устных традиций монголов в XIV в.

Описание дружбы между Ванханом и Чингисханом, а затем разрыва между ними имеется и в сочинении Рашид-ад-дина³⁷. Но у него этот эпизод извлечен из другого источника, не имеющего ничего общего с «Тайной историей». В рассказе Рашид-ад-дина нет того искреннего пиетета, с которым, по словам грузинского источника, Чингисхан относился к Ванхану. Очевидно, персидский историк, выражая интересы своих непосредственных заказчиков, написал наиболее общепринятую на рубеже XIII—XIV вв. идеализированную биографию Чингисхана. Согласно этой версии, Чингисхан с самого же начала своей политической деятельности представлен фигурой абсолютно независимой, что, по свидетельству монгольских источников XIII в., не соответствовало правде. Из грузинского Хронографа следует, что в официальную версию жизнеописания Чингисхана, очевидно, уже с середины XIV в. включались отдельные сюжеты из «Тайной истории».

После победы над Онханом Чингис, по словам грузинского летописца, «одолеет и убил» некоего Гурхана. Гурхан — это Джамуга, вначале побратим, а впоследствии самый опасный враг Чингисхана. Хронисту он известен лишь по титулу, который Джамуга, согласно «Тайной истории», присвоил себе, подражая могучим владыкам своего времени³⁸.

³² Там же, стр. 96, 99.

³³ См. там же, стр. 111; Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, стр. 48.

³⁴ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 127; Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, стр. 56.

³⁵ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 127—129.

³⁶ Там же, стр. 129.

³⁷ См. Рашид-ад-дин, т. I, ч. 2, стр. 108—111, 249.

³⁸ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 116; В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 528.

О близости грузинской легенды к традициям «Тайной истории» могут свидетельствовать также сходные в обоих источниках описания покорения Чингисханом уйгуров. Согласно «Тайной истории», уйгурский правитель Идуут, знавший о победах Чингисхана, изъявил желание добровольно подчиниться ему. Монгольский владыка «великодушно» согласился на это и даже усыновил уйгурского правителя и выдал за него свою дочь³⁹. Аналогично эти события переданы и в грузинском источнике. «Вслед за этим,— читаем мы в Хронографе,— двинулся он [Чингисхан] на уйгуров, которые называли царя своего Едutom... Но Чингискаен смиростивился над ним и держал его в уважении». Грузинский источник, передавая монгольскую традицию своего времени, идеализирует образ Чингисхана, ибо ожесточенной борьбы монголов с уйгурами, о которой говорит хронист, в действительности не было.

Мы намеренно выпустили из приведенного текста слова о каком-то, вероятно уйгурском, «эмире» Сарчуке: о нем, кроме приведенного здесь сообщения, ничего не известно. Очевидно, это фольклорный персонаж. Поэтому на первый взгляд не совсем понятное в оригинале свидетельство, над кем именно «смиростивился» Чингискаен, мы решаем «в пользу» Едута-Идуута. Отметим, что у грузинского историка то же самое перечисление следовавших одна за другой побед Чингисхана, которое имеется и в «Тайной истории»⁴⁰. Это совпадение не случайно и еще раз может свидетельствовать об использовании грузинским летописцем бытовавших в его время среди близких ему монгольских кругов устных рассказов, задолго до того занесенных в монгольскую хронику.

О пристрастном отношении грузинского историка к Чингисхану свидетельствует также то, что он приобщает кагана к христианству. Средневековые рассказы о распространении христианства в Монгольской империи хоть и не были беспочвенны, но слухи значительно превосходили реальную действительность⁴¹. Грузинский летописец создал своеобразный текст по мотивам этих рассказов о христианском вероисповедании Чингисхана. Анонимный автор Хронографа, естественно, не мог дать каких-либо исторических сведений об «обращении» Чингисхана в христианство. Он лишь свидетельствует об ареале распространения этой легендарной версии.

³⁹ Рашид-ад-дин, стр. 174.

⁴⁰ Там же, стр. 171 и сл.

⁴¹ См.: Я. М. Свет, Запад и Восток на рубеже XIII—XIV веков (в кн.: «После Марко Поло», М., 1968), стр. 9—11 и др.